

0929

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Катрина Кадмор

ОСТАНЬСЯ СО МНОЙ СЕЙЧАС

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Катрина Кадмор

Останься со мной сейчас

«Центрполиграф»

2018

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Кадмор К.

Останься со мной сейчас / К. Кадмор — «Центрполиграф»,
2018 — (Любовный роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-08731-7

От католического Рождества до Нового года – всего одна неделя. Том и Сиара проведут ее вместе – будут гулять по заснеженным паркам, пить горячий пивной коктейль в старом пабе, рассказывать свои желания Санта-Клаусу, дарить друг другу подарки и танцевать на новогоднем балу. Но хватит ли им этой праздничной недели или им нужна целая жизнь, проведенная вместе?

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-08731-7

© Кадмор К., 2018
© Центрполиграф, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Катрина Кадмор

Останься со мной

Katrina Cudmore
CHRISTMAS WITH THE DUKE
© 2018 by Katrina Cudmore

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Серия «Любовный роман»

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

«Останься со мной сейчас»
© «Центрполиграф», 2019
© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2019

* * *

Глава 1

– Молодчина, Сиара! Еще одна ступенька, и ты дотянешься.

У Сиары дрожали ноги, но она не могла не улыбнуться покровительственному тону Шона. Шон был главным садовником замка, знал Сиару еще ребенком и до сих пор относился к ней как к маленькой, хотя ей уже почти тридцать.

Но улыбка сползла с ее лица, когда она посмотрела вниз с шестиметровой стремянки.

Мраморный пол парадного зала поплыл у нее в глазах, и ей пришлось крепко ухватиться за перекладину левой рукой. В правой она сжимала тот предмет, который и загнал ее на шестиметровую высоту: тонкой работы ангел в золотых одеждах и с личиком, раскрашенным нежными красками, смотрел на Сиару широко распахнутыми голубыми глазами, будто удивляясь, как это она позволила себя так провести.

Либби, шеф-повар Лохмора, попыталась ее подбодрить:

– Держись, Сиара! Завтра, когда будем зажигать елку, получишь самый большой кусок рождественского торта.

Сиара злобно зыркнула на Либби – хорошо ей говорить, она-то внизу, стоит себе рядом с Шоном в полной безопасности, да еще и глинтвейн прихлебывает – и пробормотала сквозь стиснутые зубы:

– На следующее Рождество полезешь сама.

– О нет, это твоя почетная обязанность, до тех пор пока в Лохморе не появится новый работник, – довольно ответила Либби.

Судя по улыбкам остальной прислуги замка, собравшейся в парадном зале украсить елку и полакомиться приготовленными Либби праздничными закусками, их тоже позабавил ужас на лице Сиары.

– А ты перепояшь чресла твои...¹

Так все время говорил ее дедушка, когда будил ее на заре и звал мыть мраморные полы Лохмора, а она ворчала и только плотнее куталась в одеяло. Сиара до сих пор не знала, что означает это выражение, но дед имел в виду, что ей не отвертеться.

Мама Сиары была из того же теста, что и дед. Когда Сиара ныла, что ее не пускают погулять, или просила себе братика или сестричку, или хотя бы папу, который приходил бы похлопать ей на школьных соревнованиях, – папы-то у всех есть! – ее мать говорила:

– И не мечтай, Сиара. Жизнь несправедлива. Лучше сразу смиришься с этим, улыбнись и вперед!

Сейчас ей точно не оставалось ничего другого. Она осторожно поставила ногу на следующую ступеньку. Собравшиеся внизу запели рождественский гимн, чтобы подбодрить ее и подчеркнуть торжественность момента.

Каждое Рождество Шон привозил из Лохморского леса огромную елку – она должна была соответствовать размерам парадного зала замка, деревянные своды которого смыкались на высоте двенадцати метров. Но в этом году Шон превзошел себя – нынешняя ель была пушистой, идеально симметричной и не меньше семи метров в высоту. Пяти садовникам понадобился целый день, чтобы привезти ее из леса и установить. А потом еще один день вся прислуга замка развешивала на голубоватых ветках елки гирлянды и бесчисленные игрушки, скопившиеся в семье Бенсонов за два века.

И вот под конец этого прекрасного мероприятия Шон объявил, что по традиции замка привилегия водружать на верхушку елки фарфорового ангела предоставляется последнему нанятому работнику.

¹ Иеремия, 1: 17. (Здесь и далее примеч. пер.)

Сперва Сиара действительно поверила в эту очаровательную историю, но потом заметила веселые искорки, плясавшие в глазах Шона, и то, как остальные садовники украдкой пихали друг друга локтями. Ну да, как же, честь! Просто желающих не нашлось, особенно когда в зал внесли блюдо со знаменитыми мясными пирогами Либби.

Она пыталась протестовать: фактически она не была новенькой в Лохморе, потому что еще в школе на каникулах подрабатывала тут уборщицей. Но ее возражения потонули в блаженном мычании, наполнившем комнату, как только все добрались до угощения.

Она была единственной женщиной в команде садовников и знала, с какой иронией все они, кроме Шона, относятся и к ней самой, и к ее идеям. Только вчера она крупно поспорила с одним из них, пришедшим нарезать веток остролиста для украшения замка. Сиара пыталась объяснить ему, что листьями и ягодами остролиста питаются птицы и мелкие животные, но тот заявил, что она совсем рехнулась.

Так что ей ничего не оставалось, как взять ангела и полезть на стремянку. И вот теперь, вдохновленная звуками рождественского псалма и смолистым запахом лесной красавицы, она добралась почти до самого конца стремянки и потянулась к верхушке елки, стараясь не замечать, как иголки царапают ее обнаженные руки.

Лестница под ней дрогнула, внизу раздались ахи и охи.

– Не волнуйся, мы держим! – крикнул ей Шон.

Сиара закусил губу и потянулась еще дальше, желая скорее разделаться со своей рискованной миссией. Почти потеряв равновесие, она все-таки надела прекрасного ангела на верхнюю ветку. Тот все норовил перекошиться налево, но Сиара не успокоилась, пока он не сел совершенно прямо.

Внизу раздались аплодисменты.

Она сделала это!

Восторг Сиары длился всего пять секунд, пока до нее не дошло, что теперь ей предстоит проделать обратный путь.

Крепко цепляясь за перекладины и подолгу вслепую нащупывая ногой каждую следующую ступеньку, она начала спускаться.

На стене висело огромное зеркало в массивной золоченой раме, и Сиара поймала свое отражение. Ужасно – в волосах иголки, руки расцарапаны, а как она умудрилась заляпать смолой свою джинсовую безрукавку?

И тут она увидела его.

Он стоял в распахнутых дверях и смотрел на нее.

Сиара замерла с одной ногой, повисшей в пустоте, ее сердце скатилось куда-то в пятку и тоже беспомощно болталось над бездной.

Неужели это и правда он? Спустя столько лет?

Пение разладилось, а потом и вовсе умолкло. Зеркало отразило немую и неподвижную картину: высокий мужчина на фоне массивных резных дверей, в центре зала – с полсотни человек, повернувшихся к нему в молчаливом изумлении, и одна глупая фигура, нелепо раскорячившаяся среди ветвей огромной сверкающей елки.

Через секунду картина ожила, зал наполнился гомоном возбужденных голосов.

– Ваша милость! Я понятия не имел... Я думал, что вы, как всегда, останетесь в Бэйнсворте до двадцать девятого, – бормотал Стивен, главный дворецкий Лохмора, едва сдерживая панику.

Сиаре все-таки удалось нащупать ногой ступеньку, и теперь она смогла повернуться лицом к дверям.

Вся прислуга, забыв про елку, толпилась вокруг вошедшего.

Том Бенсон... Одиннадцатый герцог Бэйнсвортский. Под мышкой у него был перепачканный терьер, который пыхтел и извивался, требуя опустить его на пол.

Герцог провел свое детство здесь, в Лохморе, и тогда вся прислуга обожала и баловала его. Но он не появлялся в замке вот уже двенадцать лет. Молодые работники никогда не видели его, и даже те, на чьих руках он вырос, теперь не знали, как с ним себя вести.

На секунду его серебряные глаза скользнули по Сиаре, но со своей высоты она не могла различить их выражения. Она еще крепче ухватилась за перекладины лестницы, чувствуя, что теряет равновесие. Том все еще имел прежнюю власть над Сиарой – мир казался более ярким и волнующим просто потому, что он находился с ней в одной комнате.

Он изменился. В восемнадцать лет он был красивым мальчишкой с шапкой каштановых кудрей и неумной энергией, которая не позволяла ему и минуты усидеть на месте. Теперь его волосы были коротко пострижены и лишь слегка вились, энергию свою ему явно удалось укротить, взгляд стал острым и сосредоточенным, а нежная припухлость щек уступила место точеным скулам и твердому подбородку.

Его одежда – серое кашемировое пальто, начищенные черные броги² и темный костюм – соответствовала не только его титулу, но и его статусу: Том Бенсон был создателем и владельцем известной международной сети ресторанов, носивших его имя – «Том». В последний раз, когда Си-ара видела его, на нем были потертые джинсы и мятая рубашка поло. Он прилетел последним рейсом из Лондона в Дублин. Сиара вздрогнула при воспоминании о том осеннем вечере.

Даже через весь зал она видела, как напряглись его плечи, будто он тоже вспомнил ту встречу.

Том отвел от нее взгляд, опустил собаку на пол и повернулся к Стиву.

Мужчины пожали друг другу руки, потом Том... нет, не Том, герцог (ей следовало запомнить это и отныне называть его именно так), сказал:

– Мой график изменился, и я смог вырваться немного раньше. Мама и сестры хотят провести Рождество здесь, в Лохморе. – Он сделал паузу, прежде чем добавить: – Им надо уехать из Бэйнсворт-Холла.

Все скорбно умолкли, понимая причины такого желания. Потом Стивен откашлялся и сказал:

– От своего лица и от имени всего персонала Лохмора приношу вам свои соболезнования в связи с кончиной вашего отца.

Герцог поблагодарил его молчаливым кивком. Все остальные тоже молчали, ожидая, что он все-таки что-нибудь скажет. Может быть, даже объяснит, что привело его сюда спустя пять месяцев после смерти отца и почему он не появлялся здесь целых двенадцать лет. Но вместо этого Том Бенсон подошел к ним и стал знакомиться с теми, кого не знал.

Либби была первой. Она покраснела, смущенно улыбнулась и протянула герцогу тарелку с расписными имбирными пряниками. Тот вежливо покачал головой.

Следующей была Мэгги, старшая горничная. Двадцать лет назад она на чем свет стоит ругала маленького Тома – ужас, сколько от парня было беспорядка. Теперь Мэгги хотела обнять его, как случалось, когда он приезжал из Итона на каникулы, но герцог просто пожал ей руку, даже несколько официально.

Про елку, лестницу и Сиару, застрявшую на ней, все забыли. Либби и Шон, которые должны были держать лестницу, теперь увивались возле герцога, и Сиаре ничего не оставалось, как попытаться спуститься самостоятельно. Она очень медленно двинулась вниз – ноги устали и не слушались, а главное, Сиара совершенно не представляла, что ей делать, когда она спустится, что сказать ему и как себя вести, когда они окажутся лицом к лицу.

Но, может быть, Сиара напрасно беспокоилась? Может быть, она была для Тома всего лишь полузабытым воспоминанием юности?

² Туфли или ботинки с декоративной перфорацией, которая может располагаться вдоль швов, на носках и задниках.

Она медленно спускалась по ненадежным ступенькам, и каждый шаг сопровождался картинками прошлого, пронесившимися у нее в голове.

Она вспоминала, как Том хозяйничал на крошечной кухне ее бабушки, и от месяца к месяцу она могла видеть, как его хобби превращается в настоящую страсть.

Как они целовались на мостках на той стороне озера, и плеск воды сливался с их тихим смехом.

Сиара вспомнила, как однажды в дендрарии Том вскарабкался на вершину японского кедра и дразнил ее, приглашая присоединиться к нему. Но у нее голова кружилась, даже когда она просто смотрела на него, сидящего на ветке на уровне четвертого этажа, так что она забралась на пару метров и сдалась.

Перед ее глазами встала еще одна картина – они вдвоем забрались в мшистую лошину, которую нашли в сердце Лохморского леса, Том наклоняется над ней, заслоняя солнце, и в его глазах светится нежность, смущавшая и волновавшая Сиару...

Именно в те дни она начала интересоваться растениями ирландских земель. Поэтому Сиара стала изучать садоводство и ландшафтный дизайн – она хотела сохранить исторические сады, такие как в Лохморе, для будущих поколений. А тогда, лежа на мягком зеленом мху их лощины, она впервые вблизи рассматривала неброскую, изысканную красоту местных растений и чувствовала, что мир полон удивительных чудес.

Но потом ей приходилось возвращаться к реальности и к работе. Она надевала свою униформу и только вежливо кивала Тому, когда он проходил мимо нее по коридорам замка. Он отвечал ей тем же. Сиара пыталась делать вид, что ей все равно, но глубоко в душе не могла не задаваться вопросом об искренности его отношения.

Погрузившись в воспоминания, она почти добралась до низа, но, когда до пола оставалось не больше двух метров, ее нога не нашла ступеньку и провалилась в пустоту. Сиара вскрикнула и попыталась ухватиться за стремянку, но почувствовала, что неудержимо валится назад, и уже представила, как с размаху плашмя падает на твердый мраморный пол, в ужасе зажмурилась, но...

Чьи-то крепкие руки подхватили ее. Сиара осторожно приподняла веки и увидела совсем близко очень светлые, почти серебряные, глаза.

– Ты так и не научилась лазить по деревьям, – раздался над ее ухом незабываемый низкий голос.

Сиара попыталась высвободиться, но Том крепко держал ее. И она едва удержалась, чтобы не ответить:

– Добро пожаловать домой, Том, здесь тебя очень не хватало.

* * *

Том крепко держал Сиару, проклиная себя и пытаясь не замечать теплых волн, расходившихся по его телу от тех мест, где их тела соприкасались.

Остальные уже окружили их, хлопоча над Сиарой. Ему нужно было убедиться, что с ней все в порядке. И нужно было место, где бы он мог спокойно подумать. Он оглянулся и нашел глазами Стивена.

– Пожалуйста, подайте чай в комнату для завтрака.

И он вышел из зала, все еще держа Сиару на руках. Том нес ее по коридору мимо гобеленов и семейных портретов. Он старался не глядеть вниз. И не забывать, что приехал в Лохмор с одной-единственной целью.

Когда он сегодня утром сажился в частный самолет в аэропорте Лондон-Сити, то пообещал себе, что всю следующую неделю будет действовать, соглашаясь только с логикой, полностью отключив любые эмоции. И хотя он замер, когда увидел имя Сиары в списке обслуживаю-

щего персонала замка, он все-таки был уверен, что принял правильное решение относительно Лохмора, и твердо намеревался приехать туда и лично объявить его.

Но когда он приземлился в Дублине и поехал через графство Уиклоу, называемое Садами Ирландии, по узким пустынным дорогам среди зеленых холмов и живописных озер, мимо знакомых с детства замков и развалин, когда пересек, замедлив ход и с нежностью разглядывая украшенные рождественскими венками и гирляндами крохотные домики, очаровательную деревушку Авока, настроение его переменялось.

Поднявшись на вершину Брум-Хилла и увидев внизу в долине замок, Том остановил арендованный автомобиль и вышел. Он поплотнее запахнул пальто, защищаясь от резкого ветра, прилетевшего с Ирландского моря, и в ранних зимних сумерках смотрел на Лохмор.

Замок не изменился. Гордо возвышалась на фоне бледного неба средневековая башня, похожая на остро оточенный карандаш и окруженная более поздними пристройками – викторианским западным крылом и георгианским двором. Перед замком простиралось озеро Лохмор, где Том учился плавать и целоваться – в лодочном сарае, с Хаттой Кольридж. По сей день его мать более чем прозрачно намекает, что из Хатты вышла бы отличная герцогиня. Но только с Сиарой он понял, что такое поцелуй.

За замком, за садовой стеной, за огородами начинался лес. Туда они все время убегали с Сиарой, сначала – чтобы погулять или поболтать, а потом, в их последнее волшебное лето, – чтобы заняться любовью.

Стоя на холме над замком и ежась то ли от холодного ветра, то ли от этих сладких и мучительных воспоминаний, Том, как никогда прежде, был уверен, что принял абсолютно правильное решение относительно Лохмора. Пришло время расстаться с призраками прошлого, раз и навсегда.

Он проехал под массивной аркой из известняка, сложенной еще в Средние века и отмечавшей въезд в поместье, и дальше – по длинной подъездной аллее, которая шла среди леса, где под дубами и каштанами свободно бродили олени. Он ехал и вспоминал, с каким нетерпением каждый год ждал летних каникул и поездки в Лохмор, где он чувствовал себя защищенным от тягостного чувства ущербности, которое окрашивало его школьные дни.

Его младшие сестры, Китти и Фрэн, иногда привозили домой друзей, чтобы удовлетворить любопытство родителей и доказать им, что их дети «социально активны и успешны». Том тоже так делал и по тем же самым причинам, хотя на самом деле ему хотелось с головой погрузиться в жизнь замка, забыв на время весь остальной мир. Он водил трактор, возил сено, даже доил коров. Он часами крутился вокруг Джека Кейси, главного конюха Лохмора, учась ухаживать за лошадьми, и еще дольше – на кухне у его жены Мэри. Он поедал ее пышные ароматные булочки, а потом, к его собственному удивлению, попытался печь сам. Мэри Кейси очень переживала, что скажет на это его отец, и, как со временем выяснилось, небезосновательно, но пока Тому удавалось держать свои кулинарные экзерсисы в тайне.

А потом однажды летом к Джеку и Мэри приехала их внучка Сиара, и в Лохмор будто ворвался поток свежего воздуха. Веселая, искренняя, иногда неосознанно нахальная, она имела обыкновение ко всему подходить критически. Впервые Том почувствовал, что жизнь может быть другой...

В комнате для завтраков был разожжен камин, и по бледно-розовым обоям плясали тени. Перед камином, как и раньше, стояла низкая скамеечка для ног, на которой лежала стопка деловых и научных журналов, которые его отец выписывал сразу на три адреса – в Бэйнсворт-Холл, поместье в две тысячи акров в Сассексе, где постоянно жила семья, в замок Лохмор и в Гленкор – их охотничий домик в Шотландии.

Он опустил Сиару на диван перед камином. Это он сделал напрасно – потому что тут же вспомнил, как однажды застал ее в этой комнате за уборкой, стрег в охапку, утащил, хихикающую, на этот диван, и они целовались, пока дух не захватило.

Он тряхнул головой, отгоняя воспоминания, и попытался сосредоточиться на женщине, которую видел перед собой, а не на девушке, которая жила в его воспоминаниях.

– Что-нибудь болит?

Сиара тут же поднялась и встала за диваном, будто прячась за ним от Тома.

– Только мое самолюбие, – сказала она.

Том не ответил, и они просто стояли и смотрели друг на друга, только треск и шипение горящих в камине поленьев нарушали тишину темной комнаты. Сиара обхватила плечи руками, будто желая быть от него еще дальше, еще надежней защититься от него.

– Как жизнь? – спросила она наконец.

Она и раньше так делала: задавала ему самые простые вопросы, которые почему-то ставили Тома в тупик. Что ему сказать о двенадцати прошедших годах?

– Хорошо. Как ты?

Она наклонила голову, каштановые волосы вспыхнули яркой медью, подсвеченные огнем камина.

– Да, тоже хорошо.

Раздался осторожный стук в дверь, и в комнату вошел Стивен, неся поднос с серебряным чайным прибором и одной фарфоровой чашкой. За ним прошмыгнул терьер и кинулся к Сиаре.

– Гром, – позвал его Том, но пес не обратил на него никакого внимания – он поставил обе передние лапки на ногу Сиары, царапая коготками ткань ее джинсов, и восторженно завертел хвостом.

– Привет, малыш! – Сиара наклонилась и потрепала собаку по загривку.

Стивен поставил на стол поднос, на котором, кроме чайника и молочника, стояла серебряная этажерка, на нижнем ярусе которой лежали тонкие треугольные сэндвичи, на среднем – мясные пироги, а на верхнем – маленькие пирожные, и нерешительно взглянул на Сиару. Та была полностью занята собакой, поэтому Стивен откашлялся, чтобы привлечь ее внимание, и сказал:

– Сиара, если тебе лучше, на кухне накрыли чай.

Сиара кивнула, еще раз погладила пса на прощание и пошла за Стивеном, но Том остановил ее:

– Выпей чаю здесь, со мной.

Стивен постарался скрыть свое удивление, и ему это почти удалось. Он помог Тому снять пальто и спросил:

– Прикажете увести вашу собаку, сэр?

– Его зовут Гром, и он может остаться здесь.

Когда Стивен вышел, Сиара указала на дверь.

– Я лучше пойду.

– Почему?

– Прислуге не положено пить чай с герцогом.

– Не путай меня с моими родителями. Мне плевать на то, что положено, и на прочий протокол. Сядь и выпей чаю.

Сиара собиралась возразить, но потом только пожала плечами, подошла к столу, налила себе немного молока в невесомую фарфоровую чашку и добавила чаю. А Том никогда не пил чай с молоком – но почему она до сих пор это помнит?

Он жестом предложил ей сесть на диван, а сам оседлал стул. Терьер улегся рядом, положив морду ему на ботинок.

– Почему ты назвал его Громом?

– Я не называл. Это собака моей бывшей девушки, когда она решила вернуться домой в Японию, я уговорил ее оставить Грома мне.

Сиара ничего не сказала в ответ. Она хотела поскорее допить чай и уйти отсюда.

Том пристально смотрел на нее, будто все еще не мог поверить, что сидит рядом с ней, спустя столько лет.

Когда-то они были так близки. Сиара была первым человеком, который спросил, чего он хочет в жизни, кто видел за его титулом его самого. Это Сиара поощряла его увлечение кулинарией, именно она заставила его отправить резюме в лондонские рестораны, которые брали стажеров. Она была первым человеком, который поверил в него. Первым человеком, который помог ему увидеть, кто он на самом деле, а не то, кем он обязан быть.

Но еще она была первым человеком, который разбил его сердце; на самом деле она была единственным человеком, который это сделал. После Сиары он стал гораздо осторожнее в отношениях с женщинами.

– Как твои старики, уже на пенсии?

Сиара улыбнулась.

– Да, вернулись в графство Голуэй. Они купили дом в Ренвиле, рядом с морем. Им там нравится, но они скучают по Лохмору. Дедушка особенно. Он скучает по лошадям, по друзьям. Они проработали здесь больше пятидесяти лет, так что переезд дался им нелегко.

Том понимал их. Когда-то он любил Лохмор больше, чем любое другое место на земле. Но из-за того, что случилось между ним и Сиарой, эта любовь превратилась в боль и стыд.

Но вот Сиара спокойно здесь работает. Значит ли это, что ей удалось покончить с прошлым и похоронить воспоминания?

– Поэтому ты вернулась сюда? Тоже скучаешь? Сиара пожала плечами.

– Я изучала садоводство, ландшафтный дизайн, увлеклась охраной природы. Знаешь, сколько редких видов ирландских растений в Лохморе? Вот я и подала заявку, когда весной открылась вакансия. Ты помнишь Шона? Главного садовника? – Когда Том кивнул, она продолжила: – На собеседовании я рассказала ему, что хочу заниматься выявлением и сохранением редких и находящихся под угрозой исчезновения растений, которые тут есть. К счастью, он заинтересовался моим проектом.

– Помнишь, как мы в лесу...

Он слишком поздно понял, что сказал.

Сиара вздрогнула и отвернулась к камину.

Вспоминала ли она их последнее лето вместе, когда им обоим было по восемнадцать, когда стало ясно, что их связывает нечто большее, чем флирт и дружба? Все началось с поцелуя в Лохморском лесу, июльской ночью, когда они лежали в своей ложбине, глядя на звезды.

То лето было диким и опьяняющим. И неповторимым. Они занимались любовью. Они были первыми друг у друга.

Когда лето подошло к концу, он уехал на учебу в Лондон (его взяли на обучение в один из мишленовских ресторанов), а Сиара – изучать садоводство в Дублине. Но расставаться они не собирались и договорились проводить каникулы вместе. Было слишком рано строить планы на будущее, но Том твердо решил, что они обязательно будут вместе.

А потом однажды дождливым утром в конце сентября, когда он выскочил из своей лондонской квартиры, опаздывая в ресторан, он налетел на Сиару, стоявшую возле его дома. Он был счастлив, что она приехала, но их шеф-повар без снисхождения увольнял людей за первое же опоздание, а автобус, на который он обязательно должен был успеть, как раз проезжал мимо, так что он просто растерялся, когда Сиара сказала ему, что беременна.

Том даже не сразу понял, что она имеет в виду. Он чмокнул ее, сказал, что они обязательно с этим разберутся, а сейчас ему срочно надо на работу, иначе его уволят, сунул ей ключи от квартиры, обещал позвонить в перерыв и убежал.

Только в ресторане до него, наконец, дошел смысл ее слов. Он вызвал такси и, наплевав на вопли шефа, помчался обратно. Когда он решил стать поваром, отец сказал ему, что это «ниже достоинства Бенсонов» и что на его помощь Том может не рассчитывать. Герцог даже грозился лишить его наследства. Отец никогда не позволял Тому принимать самостоятельные решения и приходил в ярость при малейшем возражении. Выбор сына в конце концов разрушил их отношения – отец был с ним все холоднее, так что к тому моменту, как Том уехал в Лондон, они уже почти не разговаривали. Том не знал, на какие средства он будет содержать семью, но был уверен, что что-нибудь придумает.

Но когда Том добрался до своей квартиры, там никого не было. Он звонил Сиаре, но она не брала трубку, так что Том помчался в Хитроу. Как раз вовремя, чтобы успеть на последний рейс в Дублин.

Он поехал к ее матери, но там тоже никого не было. Том несколько часов просидел на пороге. Наконец около часа ночи к дому подъехало такси, из машины вышла Сиара, за ней – ее мать Морин. Не сказав ему ни слова, обе прошли мимо и захлопнули дверь у него перед носом. Растерянный, но непреклонный, Том решил сидеть на крыльце, пока ему не удастся поговорить с Сиарой.

Через час дверь распахнулась, и ее мать яростно прошипела:

– У тебя есть пять минут! И все! И больше никогда! Больше ты ее не увидишь! Моя дочь заслуживает кого-то получше.

Он попытался обнять Сиару, извиниться, но она только тихо сказала, что у нее выкидыш, и попросила его уйти. Том отказался, тогда Сиара с презрением посмотрела на него и выпалила, что зря переспала с ним, что это была ошибка, о которой она всегда будет жалеть.

Он вернулся в Лондон, чувствуя себя униженным и виноватым, но продолжал звонить Сиаре еще несколько месяцев. Она ни разу не ответила на его звонки.

Сиара поднялась, вырвав его из плена воспоминаний, и сказала:

– Мне нужно пойти и помочь остальным. Мы еще не закончили украшать зал. – Она помолчала, покусывая губу, потом подняла голову и нерешительно спросила: – Не могли бы мы завтра с тобой встретиться?

– Зачем?

– Я хотела бы рассказать тебе о нашем проекте и об исследовательской программе, объяснить, какие цели мы ставим. Если это покажется тебе интересным, мы хотели бы утвердить бюджет.

Том встал и пошел к камину. Он собирался объявить об этом завтра перед всеми, но Сиара заслуживала первой узнать правду.

– Я продаю Лохмор.

Глава 2

Сначала Сиаре показалось, что Том разыгрывает ее, как прежде.

Как-то он целое лето доказывал ей, что умеет разговаривать с коровами. Всякий раз, когда они проходили мимо пасущегося стада, он останавливался поболтать с ними и «переводил» Сиаре их беседу.

– Блю говорит, что сегодня будет дождь, но Нелли считает, что Блю несет чепуху. Что ты говоришь, Нелли? Сиара очень красивая сегодня? Согласен, я и сам это заметил.

Сиара смеялась и шутливо толкала Тома, а счастье бурлило в ее груди от того, с какой лаской он смотрел на нее, от того, что он считал ее красивой.

Но сейчас в его глазах не было ни смеха, ни ласки. Сиара почувствовала, как ее накрывает волной паники.

– Продаешь Лохмор? Ты серьезно?

Том посмотрел в окно на регулярный парк, окружавший замок, и кивнул.

– С моей работой я вряд ли смогу часто сюда приезжать, так что не имеет смысла его оставлять.

Его голос был бесстрастным, как будто продажа Лохмора была ничего не значащей формальностью.

Сиара подошла к столику, чашка танцевала и звенела у нее на блюдце, когда она наливала себе еще чаю. Ее и саму чуть не шатало от того, с какой легкостью и равнодушием он отказывался от Лохмора, но она не могла допустить, чтобы Том заметил, как она расстроилась.

Лохмор был для нее всем. Ее детство в Дублине было грустным и одиноким, а тут она чувствовала себя окруженной вниманием, и не только со стороны дедушки и бабушки – вся прислуга в Лохморе относилась к ней как к родной. И здесь она в первый раз влюбилась... В того самого мужчину, который теперь готов пустить с молотка замок ее детства. С этим мужчиной она потеряла девственность и зачала ребенка, здесь, в Лохморском лесу, который он теперь так равнодушно собирается продать.

Сиару душили гнев и страх, и она постаралась сделать глубокий вдох, чтобы немного успокоиться. В конце концов ей это удалось.

– Лохмор – ваш родовой замок. Ты не можешь продать его.

Том с болью взглянул на нее, подошел к дровнице, чтобы подбросить поленьев в затухающий огонь.

– Нет смысла сохранять замок, в котором не собираешься жить.

Сиара попыталась забрать у него полено.

– Давай я, – коротко сказала она.

Она тянула полено на себя, но Том его не отпускал.

– Я вполне способен разжечь камин, – сказал он.

– Это не твоя работа. Дай мне.

– Не путай меня с моим отцом.

У них и раньше бывали такие стычки. Но тогда Том не был таким решительным, теперь в нем появилась твердость. Сиара кинула полено в огонь и отступила. На самом деле она не знала, как себя вести. Теперь он был герцогом. Она должна уважать его решения. Но она была так напугана и подавлена, что не удержалась и дала выход своему раздражению:

– Ты сейчас загасишь весь огонь, ты же его совсем завалил. Поставь поленья шалашиком.

– Повторяю, я вполне способен разжечь камин, – сказал он, усмехнувшись.

Сердце взмыло у нее в груди.

Том всегда был неотразим, когда улыбался. В его глазах появлялись серебряные искорки, а сияние его улыбки заставляло забыть все печали и заботы этого мира. Но сегодня это было похоже на секундную вспышку, и Том снова повернулся к огню.

Сиара прислонилась к теплему мрамору камина и смотрела, как он ворочает поленья каминными щипцами.

– Ты сломаешь жизнь всем этим людям, если продашь Лохмор.

Том повернул к ней голову и почти прошептал:

– Я все равно продам его, Сиара.

Она вздрогнула от его слов, но еще больше – от воспоминания о том, как его шепот щекотал ей ухо, когда двенадцать лет назад на этом самом месте Том говорил ей, как много она значит для него, как он ее любит. А она смеялась от этой нежной щекотки и не решалась ему поверить.

Сиара отошла от камина, стараясь не ступать на старинный персидский ковер своими тяжелыми, не очень чистыми рабочими ботинками, подошла к окну и грустно посмотрела на аккуратно подстриженные деревья. Все лето она трудилась тут от рассвета до заката, стараясь восстановить парк таким, каким, судя по садовым книгам, он был сорок лет назад, пока его не перепланировали, уничтожив половину растений. Что будет с замком и его уникальным парком и садами при новых хозяевах?

Неужели его мать и сестры не возражали против продажи? Они всегда проводили здесь лето и встречали Новый год, и вообще были очень привязаны к Лохмору. Его мать была высокомерной женщиной и сводила свои контакты с прислугой к минимуму, но ее преданность Лохмору была видна в том, с какой любовью и тщательностью они с покойным герцогом осматривали весь замок при каждом визите, заглядывали в самые отдаленные уголки, внимательно выискивали малейшие признаки разрушения и немедленно отдавали распоряжения о ремонте.

– А что думает твоя семья?

– Я еще не говорил им. Скажу на Новый год. – Том умолк, хмуро что-то обдумал, потом нервно кашлянул и добавил: – Крупная международная сеть отелей выразила свою заинтересованность в приобретении Лохмора.

– Лохмор превратят в гостиницу? – ахнула Сиара. – Они же погубят замок! Я сто раз видела такое по всей Ирландии. Конференц-центр, поле для гольфа, пара бунгало – и от замка ничего не останется! Неужели ты хочешь ему такого будущего?

– Все меняется, Сиара, ничто не остается прежним. Но я уверен, кто бы его ни купил, новый хозяин отнесется с интересом и уважением к истории Лохмора.

– А я вот в этом не уверена. И что будет со слугами? Они всю жизнь работали на твою семью.

Том раздраженно махнул рукой.

– Для этого я и приехал – хочу сам им все объяснить. И я сделаю все возможное, чтобы новые владельцы сохранили весь штат.

– Работа в Лохморе – это не просто работа, это образ жизни. У многих тут работали и отцы, и деды, и даже прадеды. Они служили твоему отцу и твоему деду. Для них Лохмор и Бенсоны – неразделимы.

Том посмотрел на нее так, будто она жгла его раскаленными каминными щипцами.

– Завтра утром я встречаюсь со старшей прислугой, после этого соберу всех остальных и все объявлю. Покупатель хочет оформить сделку как можно быстрее.

– Дай им хоть Рождество отметить спокойно! Разве ты не можешь объявить им потом?

– Нет. Лучше, чтобы все узнали как можно раньше и имели время обдумать сложившуюся ситуацию. – Он развернулся и пошел к дверям. – Мне надо работать, пойду заберу ноутбук из машины.

– Я думаю, Стивен уже принес твой багаж. – Сиара проскользнула перед ним. – Пойду узнаю, куда он отнес ноут. Наверное, в библиотеку.

Она уже потянула ручку на себя, когда Том уперся в дверь ладонью.

Сиара застыла спиной к нему. У него был какой-то новый, незнакомый ей одеколон. Но все остальное было прежним – и бабочки, порхавшие в ее животе, и подгибающиеся колени, и тепло, разлившееся по всему телу...

– Почему ты так себя ведешь? – раздался за ее спиной мягкий голос.

Сиара медленно обернулась. Ей стоило огромного труда не протянуть руку, не погладить его по щеке, шершавой от легкой вечерней щетины, не провести пальцами по губам.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты все стараешься делать за меня. Каждую мелочь, которую я способен сделать сам.

Она поколебалась, но потом все-таки задала вопрос, который вертелся у нее на языке:

– Ты продаешь Лохмор из-за... Это как-то связано с тем, что было между нами?

Том сделал всего шаг назад, но этого было достаточно, чтобы она снова смогла дышать. Его рот напрягся.

– С чего бы это?

Двенадцать лет назад, когда Сиара узнала, что беременна, после того как прошел первый шок, у нее появилась наивная надежда, что у них все получится. Она догадывалась, что это будет нелегко – в конце концов, им было только восемнадцать, и у каждого были свои мечты и амбиции. Но самой наивной ошибкой было то, что она совершенно забыла о разнице в их положении. Они были из разных миров, и их семьи никогда не одобряли их взаимную симпатию.

«Знай свое место! Не забывайся!» – вечно твердила ей бабушка. Это сводило Сиару с ума, так же как и манера родных Тома полностью ее игнорировать. Она была служанкой, и ей постоянно напоминали, что она не должна заговаривать с хозяевами, если они не обратились к тебе первыми, и сразу же выходить из комнаты при появлении кого-то из Бэйнсвортов или их гостей.

Когда Том приглашал ее на какой-нибудь праздник в замке, его родители не скрывали своего недовольства, а сестры явно чувствовали себя неловко в компании прислуги. И не только у их семей эта дружба вызывала недоумение. Однажды вечером, когда в замке устроили концерт, Сиара случайно услышала разговор подруг герцогини:

– Что она о себе думает? Вы слышали ее простонародный говор? Можно подумать, Бенсоны будут общаться с прислугой!

Никто, кроме ее матери, так никогда и не узнал, что они с Томом были больше, чем друзьями. Они договорились хранить их отношения в секрете. Сначала Сиаре это нравилось, но потом, когда они стали ближе, ей стало неприятно лгать и прятаться, как будто их любовь была чем-то постыдным.

В тот день, когда она рассказала Тому о своей беременности, а он сбежал, Сиара улетела домой в Дублин первым самолетом, не в силах выносить дальнейшее унижение. Тянувшая боль в животе началась уже над морем.

Как только она переступила порог дома, мама сразу поняла, что с ней что-то не так. Она повезла Сиару в больницу и всю дорогу держала дочь за руку. Это до смерти напугало ее – Морин Кейси не была склонна к таким проявлениям нежности, и Сиара поняла, что ее дела плохи.

В больнице врач, молодой мужчина с усталыми глазами, сказал ей, что у нее выкидыш. И только тогда Сиара призналась матери, кто был отцом ребенка. Та вспыхнула, в отчаянии посмотрела на дочь и, смешивая английские слова с ирландскими и давясь злыми слезами, разразилась яростным монологом, из которого Сиара с трудом, но определенно поняла, что тридцать пять лет назад, когда ее матери было столько же, сколько ей сейчас, они с отцом Тома были влюблены друг в друга. А потом она случайно прочитала в газете о помолвке герцога

Бэйнсвортского с леди Селеной Филипс. Она кинулась к телефону и позвонила своему возлюбленному в Бэйнсворт-Холл. Тот был искренне удивлен ее звонком, сказал, что у него есть обязательства перед семьей, что он должен жениться на девушке своего круга и все никак не мог поверить, что Морин не понимала с самого начала, что у них нет будущего.

Через два года она тоже вышла замуж после скоротечного романа, но муж оставил семью, когда Сиаре был всего годик. Джек и Мэри Кейси не одобряли брак дочери, поэтому маленькая Сиара не знала ни бабушки, ни дедушки.

Ее детство было одиноким. Мать много работала, а Сиара целыми днями была предоставлена самой себе. Когда по вечерам Морин возвращалась домой, то была слишком усталой, чтобы поговорить или поиграть с Сиарой. Они вообще были не особо близки. То признание в больнице фактически так и осталось единственным откровенным разговором матери и дочери.

Теперь Сиара смотрела на Тома и впервые спрашивала себя, чем были их отношения для него. Слабая обида еще ворочалась у нее в душе, но на самом деле ей было просто очень жаль их прежних – восемнадцатилетних, глупых, наивных.

– Ты двенадцать лет не появлялся в Лохморе.

Том нахмурился.

– У меня было много дел.

Сиара о многом сожалела в своей жизни, но больше всего о той ночи, когда Том пришел к ней в спальню, бледный и нерешительный, и она сама бросилась к нему на шею. Конечно, теперь они не решатся заговорить об этом, но Сиара не могла забыть, насколько близки они были когда-то... Два наивных подростка, которые так сильно обидели друг друга.

– Тогда в Дублине... я была очень расстроена.

На щеках Тома вспыхнули красные пятна.

– У тебя были все основания.

Когда они с Томом стали любовниками, Сиара послала к черту девиз своей семьи «У нас все прекрасно, а если нет, то мы сделаем вид». Она доверилась ему, как ни одному человеку в своей жизни: открыла ему свои секреты, свое одиночество, свои страхи и грехи. Она рассказала ему, что чувствует себя виноватой в том, что отец оставил их. Том снова и снова повторял ей, что ее вины тут нет, но внутри так и осталась эта заноза – чувство, что она настолько неинтересна и незначительна, что оказалась не нужна даже собственному отцу. Тогда она смущенно призналась Тому, что мечтает о большой семье и хотела бы минимум пятерых детей... и еще глубже полюбила его, когда Том ответил, что она будет лучшей матерью в мире. Сиара доверилась ему всем сердцем. Ну что сказать – дура. Потому что от этого ей было во сто раз горше, когда он ее бросил, а ведь в глубине души она с самого начала знала, что рано или поздно это произойдет.

Эту ошибку она больше не повторяет.

Сиара с грустью посмотрела на него.

– Лучше нам было остаться просто друзьями.

Том посмотрел ей в глаза, и Сиара сразу же усомнилась в своих словах. Но он кивнул и мягко сказал:

– Наверное, ты права.

Сиара повернулась и поставила чайную чашку на поднос – просто для того, чтобы улучшить секунду и попытаться снова обрести хотя бы видимость душевного равновесия.

Ей нравилась ее новая жизнь в Лохморе. Да, иногда на нее накатывали воспоминания о Томе, но в целом все потихоньку наладилось. Прошло много лет, Сиара успела поучиться и поработать во многих чудесных местах в Ирландии, в Шотландии, в Англии, и она гордилась тем, что делает. Сиара несколько лет положила на то, чтобы разработать проект восстановления парков и садов своего детства, и теперь не готова была так просто отказаться от своей мечты.

Она должна спасти Лохмор. И она сделает все возможное, чтобы убедить Тома не продавать замок.

Она взяла поднос со столика, повернулась и сказала:

– Прошу тебя, не говори никому – пусть спокойно отпразднуют Рождество.

– Я должен вернуться в Лондон к первому января. Я хотел поговорить со всеми до этого, чтобы понять, какие проблемы могут возникнуть, и помочь их решить.

– Тогда вернешься после Нового года, – спокойно ответила Сиара. – Лондон – это не край света.

Том что-то обдумал и кивнул, хотя и без энтузиазма.

– Посмотрим.

Сиара с грустью заметила, что ему в тягость каждая лишняя минута в Лохморе, но заставила себя улыбнуться и сказала:

– Кто знает, может, до Рождества ты еще передумаешь.

Том кинул на нее раздраженный взгляд.

– У меня есть покупатель. Я не передумаю.

Сиара нервно поежилась. Операцию «Спасите Лохмор» надо начинать немедленно.

– Слуги устраивают завтра вечер в память о твоём отце. Будет много гостей, зажжем гирлянды, споем рождественские гимны, потом танцы. Придешь?

– Я и забыл, как рано здесь начинают праздновать, – ответил он без тени ностальгии.

– Но ты придешь?

– Мой отец был не самым легким человеком, так что это широкий жест со стороны персонала.

Это было правдой. Его отца побаивалась почти вся прислуга Лохмора. Но он, по крайней мере, никогда и в мыслях не имел продать их замок.

Сиара пошла к дверям, держа поднос обеими руками. Том предусмотрительно распахнул перед ней дверь.

Уже в дверях она на секунду остановилась и сказала:

– Он был нелегким человеком, но его уважали. И он был верен Лохмору.

Том сжал челюсти.

– А я – нет?

Сиара пожала плечами и ответила:

– Я верю, что у тебя для этого есть веские причины.

На следующий вечер Том вполуха слушал бесконечный спор двух политиков, которые перехватили его, когда торжественная церемония зажигания рождественских гирлянд на елке закончилась и гости потекли в зал, где должны были начаться танцы. Он несколько раз пытался от них отделаться, но каждый из оппонентов был одержим идеей привлечь герцога Бэйнсвортского на свою сторону.

Том в который раз машинально осмотрел толпу в поисках Сиары и наконец увидел ее. Она танцевала с парнем по прозвищу Улыба, и улыбка у того действительно была что надо. На Сиаре было алое коктейльное платье и шелковые туфли на высоких каблуках, распущенные волосы блестящей каштановой волной падали ей на плечи, и, на взгляд Тома, это была самая красивая женщина в зале. И, наверное, самая упрямая.

Сегодня утром, сразу после настоящего ирландского завтрака, приготовленного Либби, – яичница с беконом, сосиски с фасолью, кровяной пудинг и картофельный хлеб – к нему подошел старший дворецкий и вежливо, но настойчиво пригласил «их светлость» пройти по замку. По пути Стивен рассказал Тому обо всех мерах, которые предпринимал покойный герцог, чтобы сохранить этот уникальный исторический объект, обо всех нововведениях и реставрационных работах, между делом прочитав целую лекцию о значении замка не только

для графства Уиклоу, но и для всей Ирландии. Эта экскурсия закончилась во дворе перед парадным крыльцом, где, разумеется, совершенно случайно оказался Лиам Гири, управляющий поместьем, и Сиара тоже была тут как тут. Прежде чем Том успел что-то понять, он, незнамо как, оказался на пассажирском сиденье внедорожника, и Лиам повез его по всему поместью, рассказывая о планах расширения молочного стада и возможности устройства буйволовой фермы.

На обратном пути в замок они снова, разумеется, совершенно случайно встретили Сиару, на этот раз болтавшую со своим непосредственным начальником, старшим садовником Шоном.

– Вы же еще не видели фруктовый сад, сэр! – восторженно рявкнул Шон. – Мы расширили его, на все рынки графства фрукты поставляем. А уж Сиара-то как расстаралась! Мы в этом году высадили саженцы яблок и слив, все старые сорта, которыми Лохмор на всю Ирландию славился.

И Шон потащил его в безупречно ухоженный сад, террасами спускавшийся к озеру, взахлеб рассказывая о своих планах расширить еще и теплицы.

В теплицах их опять поджидала Сиара, которая стала показывать ему собственные достижения – традиционные для Лохмора растения, которые она снова начала здесь разводить.

Но Том держался с ней очень холодно, помня ее вчерашний упрек, что он недостаточно предан Лохмору. Когда Сиара сказала ему это, Том в запале чуть не сказал ей правду: Лохмор, стараниями «преданного» отца, оказался весь в долгах, и он не видит другого способа рассчитаться с ними, кроме как продать поместье.

Том узнал об этом только после смерти отца. Сначала он пришел в ярость – особенно когда понял, что отец не сказал матери ни слова о долгах, предоставив эту тяжелую обязанность Тому. Но потом осталась только давящая тоска. Ему было очень горько, что у них с отцом были такие холодные отношения. Возможно, если бы они больше уважали, больше доверяли друг другу, судьба Лохмора сложилась бы теперь иначе.

После смерти герцога Том в который раз поклялся себе, что, если у него будут дети, он будет им самым любящим и внимательным отцом.

Политики уже перекинулись на земельный налог, и оба пришли в негодование, когда Том прервал их, сказав, что их подходы абсолютно похожи и совершенно непродуктивны.

Тем временем Сиара заметила его, повернулась к своему белозубому партнеру и что-то прошептала ему на ухо. Улыба повернулся и тоже с интересом посмотрел на Тома, потом ответил что-то Сиаре, и даже издали Том мог видеть, что она покраснела.

Том взял с подноса подошедшего официанта бокал виски, но мягкий богатый вкус десятилетнего односолодового напитка не смог улучшить его настроение.

Он с подозрением смотрел на Сиару, которая покинула своего партнера и теперь направлялась к нему. Что она придумала на этот раз? Хорошо хоть, политики наконец умолкли при ее приближении.

Сиара подарила им ослепительную улыбку и сказала:

– Простите, что прерываю ваш разговор, но его светлость обещал мне танец.

Она взяла Тома под руку и потянула его в центр зала. Сначала тот сопротивлялся, но потом решил, что Сиара в любом случае лучше, чем два унылых политика. Хотя и ненадолго.

– Мне кажется, у нас проблемы, – предупредил ее Том.

Сиара, лукаво склонив голову, ждала объяснений.

– Во-первых, я не обещал тебе никакого танца.

– Мне показалось, что тебя пора спасать.

Это она верно подметила.

– Во-вторых, боюсь, твой предыдущий партнер меня возненавидит.

Сиара подняла брови и посмотрела в противоположный конец зала, где Улыба танцевал какой-то экстравагантный танец в окружении толпы женщин разного возраста, хлопавших в такт музыке.

– Это Винс Макнамара, он врач в Лохморе. Его партнер Дэнни уехал кататься на лыжах в Шотландию. Винс счастлив танцевать с каждым, кто согласен восхищаться его танцами.

– Что подводит нас к третьей проблеме. Ты, возможно, этого не помнишь, но я не умею танцевать.

В ее глазах засверкали лукавые искорки.

– О, это я хорошо помню. Но тебе необходимо проникнуться духом Рождества.

И Сиара повела его в круг гостей, танцующих под рок-н-рольную обработку рождественской классики. Он наклонился к ней и сказал тихим голосом, чтобы могла слышать только она:

– Сиара, я все равно продам Лохмор.

Она пожала плечами.

– Да, ты уже говорил вчера.

Она пахла розами и ванилью. Он пытался не смотреть на то, как ее бедра покачиваются в такт музыке.

– Я раскусил тебя.

– Что ты имеешь в виду?

– Ирландский завтрак Либби, экскурсии по замку и поместью, глинтвейн и колядки. Но ты меня не переубедишь.

– Это просто совпадения.

Заиграла медленная музыка, и вокруг них остались только пары. Ему лучше уйти. Ему лучше уйти прямо сейчас. Вместо этого Том решил сыграть с Сиарой в ее же игру. Он положил руку ей на талию. Сиара попыталась отстраниться, но Том только крепче прижал ее. Сиара слабо улыбнулась.

– Я не уверена, что это хорошая идея. Многие будут корчить кислые мины, если мы будем танцевать вместе.

– Ты первая начала. Теперь признавайся, что ты сказала остальному персоналу?

Отведя глаза, Сиара быстро ответила:

– Ничего.

Он наклонился к ней и заглянул ей в глаза.

– Сиара...

Это все из-за шампанского. Она выпила пару бокалов и слегка опьянела.

Десять минут назад пригласить Тома на танец казалось ей отличной идеей.

Она просто хотела, чтобы у него было веселое Рождество, и он казался таким несчастным, зажатый между этими двумя скучными типами. Но сейчас, когда Том обнимал ее и они медленно покачивались под томную музыку, «отличная идея» на глазах превращалась в полную катастрофу.

Ее рука в его руке – это было такое знакомое чувство, будившее затаенные надежды. Его рука на ее талии – сильная, крепкая – от нее будто искорки разбегались по всему телу. Сиара старалась расслабиться, не реагировать на ее прикосновения, но внутри у нее все переворачивалось.

И что же ей теперь делать? Она должна спасти Лохмор. Как всегда говорила ее мама: улыбнись и вперед!

Она подняла голову и встретила с ним взглядом.

– Хорошо... Признаюсь, я сказала им: нам нужно сделать что-то, чтобы ты снова почувствовал себя здесь как дома, чтобы ты ощутил себя частью Лохмора.

Она почувствовала, как напряглись мышцы плеча под ее ладонью.

Том наклонился к ее уху и тихо сказал:

– Мой дом не здесь. Моя жизнь не здесь.

От этих слов внутри у нее все похолодело, но Сиара заставила себя небрежно бросить:

– Мне просто кажется, если ты продашь Лохмор, то тебе самому будет жаль. Разве тебе не хотелось бы оставить своим наследникам родовой замок?

– Пока у меня нет наследников.

– Ну, я уверена, рано или поздно ты обзаведешься семьей. Готова поспорить, у твоей мамы есть список кандидатур на роль герцогини Бэйнсвортской.

И наверняка это все титулованные красавицы с безупречной родословной.

Том в ответ молча пожал плечами. Он медленно вел ее в танце, постоянно не попадая в ритм, но Сиаре это казалось даже милым.

– У тебя есть кто-нибудь? – неожиданно спросил он.

Сиара удивленно вскинула глаза.

– В данный момент нет.

– У тебя кто-то был?

Но она почему-то не могла говорить с Томом о других мужчинах.

– Вроде того.

– Что это значит?

– Я много езжу по работе. Трудно завести серьезные отношения, когда все время пере-
езжаешь с места на место. А у тебя?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.